

Литература

1. Багрова Н.Д. Фактор времени в восприятии человеком. – Л.: «Наука», 1980. – 96 с.
2. Джохадзе Д.В. Диалектика категорий движения, пространства и времени // Диалектика Аристотеля. – М.: Наука, 1971. – С. 185-216.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Категоризация, дифференциальные и классификационные когнитивные признаки // Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. – Воронеж: издательство «Истоки», 2006. – С. 89 – 100.
4. Попова Н.С. Индивидуально-авторская репрезентация абстрактного концепта ВРЕМЯ в художественной картине мира (на материале русской поэзии Серебряного века) // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 20. – С. 883-888.

УДК 81.42; 801.7

О.П. Пучинина

Казанский федеральный университет, г. Елабуга, Россия

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. Творческое наследие Марины Цветаевой является богатейшим материалом для лингвистического исследования. Цель данной работы – определить особенности функционирования иноязычных вкраплений в структуре несобственно-прямой речи на материале прозаических текстов поэта. Задачи – определить языки, ставшие источником иноязычных элементов, охарактеризовать структурно-семантическую типологию иноязычных вкраплений, представленных в текстах М. Цветаевой, определить их функцию.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, Марина Цветаева, многоязычие, включение в текст, язык оригинала.

O.P. Puchinina

Kazan Federal University, Elabuga, Russia

FOREIGN INCLUSIONS IN THE STRUCTURE OF FREE INDIRECT DISCOURSE BY THE EXAMPLE OF M.I. TSVETAeva's PROSE

Abstract. The creative heritage of Marina Tsvetaeva is the richest material for linguistic research. The purpose of this work is to determine the features of foreign language inclusions in the structure of free indirect speech on the material of the poet's prosaic texts. The author of the article sets tasks to identify the languages, which have become the source of foreign elements, to characterize the structural and semantic typology of foreign language inclusions in M. Tsvetaeva's texts and to define their expressive functions.

Key words: foreign language inclusions, Marina Tsvetaeva, multilingualism, inclusion into the text, original language.

Известный поэт, прозаик, переводчик Серебряного века, М.И. Цветаева была дочерью незаурядных родителей, давших ей блестящее образование. Она свободно разговаривала на немецком языке (который был родным языком её матери), владела французским языком, что было типичным для неё как представителя русской интеллигенции. Пребывание в разные периоды жизни за границей (Франция, Чехословакия, Германия) также способствовали тому, что многоязычие (полифония) отразилось в текстах поэта. В канву русскоязычного текста органично вплетаются иноязычные вкрапления. Для автора является естественным насыщать тексты словами на немецком или французском языках, иногда сопровождая их своими комментариями (такими, как, *patte de velours* (фр.) – бархатная лапка, *bien pris dans la taille* (фр.) – изящный, *Plattfuss* (нем.) – плоскостопие, *Noch ein wenig!* (нем.) – Ещё немножко! и т.д.). Это является важной составляющей произведений Марины Цветаевой, демонстрирует врождённое и имманентное многоголосие поэта.

Материалом для анализа послужили 100 примеров несобственно-прямой речи (далее НПР), извлечённых методом сплошной выборки из прозаических текстов Марины Цветаевой («Мой Пушкин», «Мать и Музыка», «Отец и его музей», «То, что было», «Чёрт», «Дом у Старого Пимена»,

«Китаец»). Проведённое исследование показывает, что в структуре НПП в прозаических текстах М.И. Цветаевой наиболее частое употребление находят вкрапления из немецкого и французского языка.

Анализируемые рассказы были написаны М.И. Цветаевой во время эмиграции, когда она не была востребована как поэт. Именно проза пользовалась успехом за границей. В текстах М.И. Цветаевой иноязычные вкрапления используются при портретном описании человека, при характеристике внутреннего состояния персонажа и свойств отдельной личности, при характеристике предметов, употребляются для выражения действий и абстрактных понятий [1]. К тому же, М. Цветаева включает в текст как отдельное слово, словосочетание, целое предложение, так и несколько предложений, представленных на немецком и французском языках.

Также можно отметить разнообразное оформление иноязычных вкраплений: элемент вводится в основной текст, или представлен как вставная конструкция, сопровождается авторским переводом, или вовсе дан без перевода. Можно также встретить сочетание разных способов интродукции иноязычных вкраплений, как можно наблюдать в следующем примере: «Тут-то меня и сглазили: *verliebte Seelen!* Ну, что бы – *Herzen!* И было бы все, как у всех. Но нет, что в младенчестве усвоено – усвоено раз навсегда: *verliebte* – значит *Seelen*. А *Seelen* это ведь *See* (остзейская «*die See*» – море!) и еще – *sehen* (видеть), и еще – *sich sehnen* (томиться, тосковать), и еще – *Sehnen* (жилы). Из жил томиться по какому-то морю, которого не видал, – вот душа и вот любовь. И никакие *Rosen* и *Nelken* не помогут!» [2, с. 105]. В данном отрывке из рассказа «Чёрт», следующим после четверостишия на немецком языке и сопровождающимся подстрочным переводом, наблюдаем разноплановое введение немецких слов: без перевода и в сопровождении комментариев самой Цветаевой, что вполне закономерно для неё как для полилингва.

Интересны отдельные случаи использования слов, данных на иностранном языке, когда иноязычная лексема графически представлена на языке-источнике, но приобретает морфологический признак, свойственный русским словам, т.е. входит в словоизменительную парадигму или в систему согласования [3, с. 9]. Как, например, в следующем отрывке из рассказа «Мать и музыка» окончание родительного падежа дано через апостроф после имени существительного на немецком языке, то есть происходит ассимиляция иноязычного (в данном случае немецкого) вкрапления: «<...> пока на заголовке поздравительного листа, <...> для *Glückwunsh'a* матери, не увидела сидящих на нотной строке вместо нот – воробушков!» [2, с. 61].

Особый интерес представляют случаи использования однокоренных вкраплений, образующих игру слов, подчёркивая, таким образом, связь между словами. Подобное можно наблюдать в отрывке из рассказа «Китаец», повествующем о том периоде, когда Цветаева с семьёй жила в Париже: «Потому ли (так люблю иностранцев), что нам всем, чужакам, в Париже плохо? <...> Значит, дело не в плохости жизни, и любовь моя не “*camaraderie de malheur*” (товарищество по несчастью – фр.). <...> Потому что все мы <...> *camarades ne de malheur, a: de danger*» (товарищи не по несчастью, а по опасности – фр.) [2, с. 524-525].

Хотим отметить окказиональное включение в текст вкраплений из двух языков источников, например: «... прохладное «*ivoire*», мерцающее «*Elfenbein*», баснословное «слоновая кость» (как слона и эльфа – совместить?)» [2, с. 64-65]. В этом отрывке поэт использует словосочетание «слоновая кость» сначала на французском языке, затем на немецком, а завершает перечисление русским переводом; примечательно, что далее Цветаева комментирует немецкое словообразование «*Elfenbein*» как-бы через призму детского восприятия (отдельные значения слов *Elfen* – эльфы, *bein* – нога, стопа, кость, тогда как сложное слово имеет другое значение).

Довольно частым в прозе М. Цветаевой является использование иноязычных вкраплений, обозначающих названия произведений и их авторов: «мальчик Реми из «*Sans Famille*» (фр.) [2, с. 58], «...мама читает «*Eckerhardt*» (нем.) [2, с. 69], «Пауль Добри из романа для девиц *Zénaïde Fleuriot*» (нем.) [2, с. 131], или музыкальных произведений: «бетховенское «*Lied für Elise*» («Песнь для Эльзы» (нем.)) [2, с. 152], «*Warum*» («Почему?» (нем.)) [2, с. 82].

Марина Цветаева также часто цитирует строки из известных ей произведений на языке оригинала, ибо так они звучат намного убедительней, чем в переводе. Это может быть обусловлено тем, что изначально звучавшее на языке оригинала иноязычное вкрапление, видится автору более достоверно. Например, в рассказе «Чёрт» Марина Ивановна вспоминает, как в детстве слушала песню на немецком, поэтому она вплетает текст песни в свои воспоминания: «Когда же песня доходила до: *Setze Du mir eine Spiegel/Ins Herze hinne...* – я физически чувствовала входящее мне в грудь <...> венецианское стекло... » [2, с. 105].

Из вышесказанного следует, что мировосприятие М.И. Цветаевой сформировалось под влиянием европейской культуры. Многоязычные вкрапления в тексте произведения являются особенностью ее поэтики, свидетельствуют о том, что поэт – человек мира, впитавший в себя

через язык культурное наследие. Как показало проведенное исследование, М.И. Цветаева чаще использует немецкие и французские вкрапления, отличающиеся различной типологией и широтой применения. Иноязычные вкрапления, безусловно, затрудняют понимание текста, но целесообразны с точки зрения художественной образности, эмоциональной насыщенности, глубины авторского мироощущения, поскольку для автора-билингва и полилингва то или иное явление звучит более наполненным на языке источнике, чем на русском языке.

Литература

1. Камлевич Г. Варваризмы в очерках М.И. Цветаевой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/74326609.pdf> (дата обращения 25.09.2017).
2. Цветаева М.И. Проза. – М.: Современник, 1989. – 590 с.
3. Чигирин Е.А. Немецкие вкрапления в текстах М.И. Цветаевой: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 20 с.

УДК 82-1/29

А.И. Разживин, А.Н. Пашкуров

Казанский федеральный университет, г. Елабуга, г. Казань, Россия

РУССКАЯ «ЛЕГКАЯ ПОЭЗИЯ» В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТИХОВОЙ КУЛЬТУРЫ (РУБЕЖ XVIII-XIX ВЕКОВ)

Аннотация. В статье рассматривается европейский (преимущественно французский) контекст русской «легкой поэзии», формулируются жанрово-тематические открытия поэтов, вместе с тем авторы видят влияние на этот феномен античной (анакреонтической и эпикурейской) лирики, а также опыта русских поэтов первой половины XVIII века.

Ключевые слова: русская «легкая поэзия», рубеж XVIII-XIX веков, европейский контекст.

A.I. Razzhivin, A.N. Pashkurov

Kazan Federal University, Elabuga, Kazan, Russia

RUSSIAN “EASY POETRY” IN THE CONTEXT OF EUROPEAN VERSE CULTURE (AT THE TURN OF THE 18TH – 19TH CENTURIES)

Abstract. The article considers European (mostly French context of Russian “light poetry”, it formulates its genre-thematic discoveries. At the same time, the authors see the influence of the ancient (anacreontic and epicurean) lyric poetry on this phenomenon, as well as the experience of Russian poets of the first half of the 18th century.

Key words: Russian “light poetry, the turn of the 18th – 19th centuries, European context.

Значительную роль в литературном процессе России последней четверти XVIII и первых десятилетий XIX века сыграл такой жанровый феномен, как «легкая поэзия». Европейский контекст этого явления весьма широк и восходит к французской литературе первой половины XVIII века (Шолье, Лафар, Руссо). Poesie fugitive в середине XVIII века представлена в лирике Дора, Колардо, Буфле, Леонара, Грессе, позднее - Парни, поэтов, чье творчество было весьма популярно в России, кем увлекались и корифеи поэзии М.Н. Муравьев, К.Н. Батюшков, молодой А.С. Пушкин: «Анакреон, Шолье, Парни, / Враги труда, забот, печали, / Не так, бывало, в наши дни / Своих любовниц воспевали. / О вы, любезные певцы, / Сыны беспечности ленивой, / Давно вам отданы венцы / От музы праздности счастливой...» [5, т. I с. 106].

Во Франции же в середине XVIII века оформился и основной творческий принцип «легкой поэзии» – искусство экспромта, мастерство случайных деталей, бурлеск, шутливая поэма, сказочная «безделка», лирическая пародия, «эротическая» песенка. Поэт как бы намеренно беспорядочно «выхватывает» из окружающего мира образы, которые ему понравились, детали, которые как-то задержали его внимание, и «перемешивает» все это со своим поэтическим вдохновением. Безусловно, именно «легкая поэзия» в русской литературной культуре во многом способствовала становлению жанров стихотворного экспромта и лирической миниатюры. Ряд открытий «легкой поэзии» сказался на развитии так называемой «альбомной лирики» в России в ее движении уже к